Народный артист России Виталий ВЕНГЕР:

«МОЙ МАТРИАРХАТ, ВЕСЕЛЫЙ И МУЗИ-ЦИРУЮЩИЙ»

Сов. молодёж. - Иркутск - 1992 - 7 марта

К женщинам и их празднику у меня особое, очень нежное отношение. Начать с того, что живу я в условиях матриархата. Дома — три женщины: теща, жена, дочь. Раньше я пытался хоть как-то эту диспропорцию нарушить, и потому дома всегда были животные (мы все их очень любим), и обязательно мужского пола: собака Тузик, коты — непременно либо Васьки, либо Барсики, и да же... петух, который на нашем балконе вырос из пушистого цыпленка в огромного и племенного, как выяснилось, кочета.

Сейчас наша мужская позиция значительно укрепилась — растет внук Гришенька, и мы с ним очень любим наш матриархат, тем более — есть за что: все наши женщины обладают бесценным сейчас чувством юмора, все пианистки — а дома это означает возможность замечательного отдохновения. В нежном возрасте наша дочь была беспокойным ребенком, засыпала только под звуки патефона, на котором хрипела одна из немногих наших пластинок — утесовская «У Черного моря». Минор, конечно, но вот действовала усыпляюще, прежде всего — на меня, и я бывало дремал, вращая ручку патефона.

Сейчас вот, пожалуйста, позади у нее консерватория, и в нашем доме звучат куда более серьезные мелодии, и это прекрасно...

Женщины в моей театральной жизни...

Это прежде всего замечательные партнерши, с первого дня после училища и по сегодня. Со счастьем вспоминаю работу с Капитолиной Ивановной Мыльниковой в «Варшавской мелодии», с Тамарой Викторовной Олейник в «Трехгрошовой опере». И вообще мне повезло — оказаться после учебы на одной сценической площадке с такими мастерами, как Екатерина Евгеньевна Баранова и, конечно, Галина Алексеевна Крамова. Огромное наслаждение было наблюдать за их работой на репетициях или во время спектакля, из-за кулис, и это была настоящая школа. Я у них учился, и не имело значения, что я ношу брюки, а они — юбки. Было чему учиться.

И сейчас большое удовольствие доставляет работа с молодыми актрисами, например, с Тамарой Двинской. Я не назвал тут и десятой части своих замечательных партнерш, всех назвать просто невозможно — пусть они на меня не обижаются.

Галина Алексеевна Крамова — моя театральная мама. Для сегодняшних театралов это — легенда, история. Но ведь и я, молодой тогда актер, трепетал перед ней. Помню, в «Острове Афродиты» она играла матриархальную, грече скую мать, а я — английского офицера Ральфа Оуэнса, этакого колонизатора, в хаки, со стеком в руках. И вот этим стеком я должен был поднять подбородок старой гречанки и крикнуть что-то такое: «Ну ты, отвечай!» Но ведь передо мной была Галина Алексеевна Крамова, народная артистка, депутат горсовета и, самое главное, просто женщина почтенного возраста! На репетициях сцена не шла, я мучался, режиссер — тоже. Потом кое-как сладилось. И вот на одном из спектаклей во время этого эпизода с галерки раздался истошный крик: «Гоните со сцены эту зеленую гадину!» Ну что же, значит, зритель поверил.

Кстати, о зрителях. Точнее, о поклонницах. Есть мнение, будто это нечто надоедливое, мешающее. Ничего подобного! Наоборот, поклонницы вдохновляют, заставляют всегда быть в форме. Я их подразделяю на серьезных, очень серьезных и не очень серьезных. Последние — это те, кто быстро куда-то рассеиваются. А очень серьезные — те, кто много лет сохраняют интерес к актеру, его работе. Сейчас поклонниц у меня, конечно, гораздо меньше. Можно было сказать, что не тот театрал пошел, но... надо признаться, что возраст уже не д^артаньяновский, и даже не атосовский, И если поклонницы ожидают у театрального подъезда не тебя, а твоего более молодого товарища, не надо завидовать, не надо огорчаться — это естественно, жизнь идет, и твои годы, увы, прибывают, а женщины любят молодых и красивых.

Что не мешает нам, мужчинам всех возрастов, нежно любить наших женщин. Для меня это — мои партнерши по сцене, мои поклонницы, пусть и убывающие числом, и, конечно, мой матриархат, веселый и музицирующий.